

НЕДОЛЮБЛЕННЫЙ РЕБЕНОК

Источник: http://hram-p.narod.ru/tvorchestvo/Nedoljublennyj_rebenok.doc

В последнее время равнодушие – это привычное слово. Мы часто слышим о нем по телевидению, по радио. Оно витает в воздухе на улице. Все его боятся, а, сталкиваясь с ним, не узнают. А ведь равнодушие – это прежде всего отсутствие любви к ближнему.

Издавдалека было видно, что это бомж. Шёл он нетвёрдой, какой-то вихляющей походкой: то ли уже с утра был пьян, то ли болели ноги. Чёрные густые всклокоченные волосы, многодневная

щетина, грязная одежда – всё говорило о его неустроенности и бесприютности.

Я сидела в машине и ожидала приятельницу. Бомж приближался, обвешанный какими-то потёртыми сумками и грязными пакетами и вдруг, поравнявшись с машиной, неожиданно наклонился и, просунув голову в открытое окно, сказал: «Дай хлебца!»

Меня резануло это слово – «хлебца»: так не скажет тот, кто притворяется или попрошайничает без нужды. Он был голоден.

Но, когда его всклокоченная голова приблизилась ко мне, когда он произнёс «дай хлебца!», я растерялась: у меня в машине не было ничего съестного...

– Нету хлебца, – сказала я, а сама лихорадочно стала думать, что же ему дать. «Денег дать? – промелькнула мысль. – Но у меня нет мелких, только 50 рублей, не давать же бомжу 50 рублей, это уже слишком!» (Вот в такие неожиданные моменты и проявляется суть человеческая – как будто можно человека накормить меньшей суммой! Как щедры мы на 5, 10 рублей и как горды бываем тогда своей щедростью!) Ни слова не сказав больше, он отошёл от машины и побрёл дальше своей странной вихляющей походкой, а я смотрела на него в зеркало заднего вида и соображала:

«Развернуть машину, догнать его, дать ему 50 рублей, пусть купит себе поесть! Но как я обращусь к нему: мужчина, гражданин? Что скажу? Может, просто пьяница, зачем я так волнуюсь! Всё равно пропьёт!» А в ушах звучали его слова: «Дай хлебца!»

Человек всё удалялся, и вот его уже не видно за поворотом. А я так и не тронулась с места. Вышел приятельница, и мы поехали дальше. Я всё смотрела по сторонам, надеялась увидеть вихляющую походку и лохматую шевелюру.

Прошло несколько дней – совесть моя не то чтобы успокоилась, а была погребена под сотней текущих дел. Через некоторое время я получила письмо из Перми от своей подруги. Среди прочих новостей: «Умер твой двоюродный брат Виктор, умер страшно...»

...И вот я мысленно в городе моего детства. Виктор не был мне братом – моя тётушка Агния вышла замуж за вдовца с ребёнком. Когда Витина мама умерла, ему было 4 года. Потом в семье родились общие дети: девочки Надежда и Дарья.

Тётушка Агния была классической мачехой, такой, какими их описывают в сказках: обожала своих дочерей и люто ненавидела Витю. Он ей мешал, лишал покоя и душевного равновесия. К несчастью, Витя страдал энурезом, и это ещё больше усугубляло его положение. Конечно, тогда мы такого слова не знали, но зато часто наблюдали такую сцену: тётушка Агния тычет Вите в лицо мокрой простыней или хлещет его ею по голове – при всех девчонках, чтобы ему было стыдно. А он и не плачет даже, ему действительно стыдно, и на лице его виноватая улыбка, и не улыбка даже, а подобие её.

Потом это как-то постепенно прошло, мы росли и были дружны. Виктор был незлобив, умел поддерживать игру, хранить тайну. Он очень любил своих сестёр, а вот мачеха не могла дождаться того часа, когда избавится от него.

После окончания 8 класса его отправили учиться в приборостроительный техникум подальше от дома, хотя в нашем городе были учебные заведения на любой вкус: от ПТУ до вузов. Потом следы его затерялись: после окончания техникума его направили на работу в Курск, потом была армия, потом он женился... А потом я и вовсе потеряла его из поля зрения – дороги наши разошлись.

Тётушка как то рассказывала, что звонила его жена, жаловалась, что пьёт. На что она ответила: « Да он такой урод с детства, ещё с техникума пристрастился».

Неужели она искренне не понимала того, что именно она отправила 14-летнего мальчика подальше от дома, от родных, от хоть какого-то присмотра?

...Вспоминаю детство. Он мог часами сидеть в углу комнаты, ожидая, когда я закончу играть скучные гаммы, этюды. Я знала, чего он ждёт: как только я закрою крышку пианино, он с виноватой улыбкой попросит: «Сыграй Полонез Огинского, а?» Обязательно вот это «а» в конце, оно меня всегда бороло.

Через много лет, перейдя уже на последний курс университета, я видела его в последний раз (тогда я ещё и не знала, что в последний). Он приехал на несколько дней из Курска, где работал и жил с семьёй, был сильно выпившим и всё с той же виноватой детской улыбкой попросил: «Сыграй Полонез Огинского, а?»

А когда я играла, он плакал, но эти слёзы тогда меня совсем не тронули, слёзы пьяного мужчины... Я думаю сейчас: чему только нас не учили в жизни! Интегралам, устройству доменных печей. Мы заучивали километровые формулы органических веществ. Мы, девочки, наряду с мальчиками изучали на уроках труда слесарное дело, составляли электрические цепи, чинили утюги...

Но никто не учил нас любви. Простой любви, апостольской: да любите друг друга! Мало того, само слово «любовь» связывалось тогда с чем-то взрослым, постыдным...

А я? Научила ли я сама кого-нибудь вот этому: любите друг друга?

...Подруга пишет: «Незадолго до смерти Вити я случайно столкнулась с ним на улице, мы поравнялись и встретились с ним глазами: он меня узнал, но не остановился... Вид его был удручающим: грязный, в туфлях на босу ногу. Чёрные всклокоченные волосы, многодневная щетина, затравленный взгляд. Шёл он какой-то вихляющей нетвёрдой походкой – то ли пьян, то ли болен... В руках какие-то грязные авоськи...»

Он вернулся в родной город, где его никто не ждал: там уже не было не только тех, кто его любил, но и тех, кто его ненавидел...

Одинокий, никому не нужный, он замёрз на скамейке в сквере... Ему было 57 лет.

Господи, спаси нас от равнодушия! Господи, научи нас любви!

Кстати:

Любовь – это основание христианской жизни. Без нее христианский подвиг и все добродетели лишаются смысла: «Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, - то я ничто. И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы» (1Кор.13:2-3).

